

Хэ Сы разобрал не всё, уловил лишь обрывки: «мужчина с женщиной... не должен быть близок», «жена друга... не тронь» и тому подобное.

Хэ Сы: «...»

Не успел он подробно расспросить, как Янь Тайфу в панике сбежал — будто боялся, что его сию же секунду схватит свирепый Чжао Цзинчжун и бросит на ложе Хэ Сы.

Хэ Сы, недоумевая, отхлебнул чаю и с рuzzлением спросил Чжао Цзинчжуна:

— Да откуда у него такая уверенность, что я им заинтересуюсь?

Чжао Цзинчжун с негодованием поддержал:

— Точно, точно! Ваше превосходительство предпочитаете мужчин рослых да могучих! Этот тощий книжник...

Не договорил. Хэ Сы, позеленев, ткнул пальцем в угол:

— Заткнись. Иди туда. Четверти часа не хочу тебя видеть.

Чжао Цзинчжун жалобно всхлипнул и, понурясь, отправился в угол.

Хэ Сы решил, что надо бы навести порядок в управлении — чтобы эти пресыщенные бездельники-чиновники поменьше фантазировали и сплетничали!

Занятия юного императора шли с переменным успехом, а вот в боевых искусствах прогресс был налицо: стойку освоил, кулаками размахивал уже с грозным свистом, в общем, вид подавал.

Со стороны и впрямь напоминал стройную молодую сосну.

Хэ Сы едва успел порадоваться, как заметил: этот негодник Лу Чжэнмин от него попросту увиливает!

Каждый раз, когда он, с трудом вырвавшись из груды дворцовых и прочих дел, являлся «проконтролировать» успехи императора в тренировках, Лу Чжэнмин либо уже сбежал, окончив урок досрочно, либо, будто предчувствуя его визит, брал отгул и вообще не появлялся.

Хэ Сы аж дух захватило от злости. Он, тот, кого за руку тискали да зазевавшись облапывали, даже не вспылал, не велел Чжао Цзинчжуну с товарищами скрутить того и прогнать через все восемнадцать пыточных залов Восточной палаты. А этот, который домогался, ведёт себя, словно обещенная девица, — обиделся да спрятался.

Хэ Сы был в ярости, но не мог её выплеснуть — как бы не сочли, что сам наместник Восточной палаты слишком мелочен и злопамятен.

Раздумывая, он как-то раз, сделав вид, что между прочим, спросил:

— Чжунчжун-а.

Из тени материализовалась фигура, опустившаяся на одно колено:

— Прикажете, ваше превосходительство.

Хэ Сы уже открыл рот, но вдруг осознал — голос не тот. Глядь — это Янь Чунь. Удивился:

— А где твой начальник?

Янь Чунь, устремив взгляд в пол, склонил голову и сложил руки:

— Господин Чжао простудился, ранее уже испрашивал у вас позволения на отлучку по болезни, ныне отдыхает, соблюдая постельный режим.

Хэ Сы на несколько секунд застыл, пока наконец туго соображающая голова не выдала: вчера у Чжао Цзинчжуна был выходной, и он, кажется, снова прокрался в императорскую кухню за едой. А там, чтобы с этой «крысой» справиться, подготовились — подсыпали снадобья.

В итоге Чжао Цзинчжун только вернулся, ещё рот не успел открыть, как лицо перекопилось — и бросился к отхожему месту. С тех пор его и не видели.

Потом тихой сапой явился Ли Баого и от его имени отпросился: мол, Чжао Цзинчжун крысиный яд отведал.

Хэ Сы в ужасе выпалил:

— Кончился?

Ли Баого флегматично махнул рукой:

— Пф, да какой там яд, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться. Мы с детства тренированные, пару глотков — не кончина. Максимум — полжизни в туалете проведёт.

Хэ Сы: «...»

Вчера дежурил Ли Баого, сегодня очередь была за Чжао Цзинчжуном, но из-за желудочного расстройства тот не смог, вот и прислали вместо себя Янь Чуня.

Янь Чунь хоть и молод, но Чжао Цзинчжун наметил его в преемники — по его словам, возраст уже подходящий, пора, чтобы кто-то другой на себя ругань да неприятности принимал.

Бедняга...

Раз уж это Янь Чунь, Хэ Сы стал откровеннее:

— Чунь-эр...

Уголок рта Янь Чуня дёрнулся:

— Извольте говорить, ваше превосходительство...

— Вот скажи, — медленно начал Хэ Сы, — если девицу обесчестили... Обесчещенная та сперва, конечно, разгневалась, но потом вообще не вспоминала. А вот тот, что обесчестил, вдруг дуться начал...

Янь Чунь тут же подхватил:

— Ваше превосходительство говорят о Лу Чжэнмине, что недавно обучает его величество воинским искусствам? — На лице его застыло холодное убийственное выражение. — Сей

дерзкий осмелился оскорбить вас, преступление неоспоримо. Подчинённый сейчас же схватит его и в темницу бросит.

Хэ Сы: «...»

Наступила неловкая пауза.

Хэ Сы с каменным лицом изрёк:

— Я разве сказал, что это Лу? Я разве сказал, что это меня обесчестили?!

Янь Чунь: «...»

Хэ Сы рассердился ещё пуще. Только руку поднял — а Янь Чунь уже проворно развернулся и встал в угол, приступив к размышлениям о своих ошибках.

Хэ Сы: «...»

Сердце его устало. Соскучился он по Чжунчжуну. Совсем не нравится ему этот слишком догадливый Чунь...

...

Хэ Сы, разрываясь на части от дел, немного повозмущался, потом фыркнул и решил выкинуть Лу Чжэнмина из головы. Чёрт возьми, мелкий офицер Императорской гвардии, ещё и важничает!

Согласно донесениям лазутчиков Восточной палаты, завтра в столицу въезжает князь Юнь из Чичжоу. Это слегка успокоило Хэ Сы.

Чичжоу граничит с Цзиньлином. Лучшие земли и воды почти все захватил цзиньлинский князь Цзин, остался лишь клочок бедной захолустной земли. Но князь Юнь с детства был смиренного нрава — не спорил, не ссорился, не бунтовал, на своих землях жил припеваючи. Сердце у него становилось всё шире, живот — всё больше, весь он походил на будду Майтрею.

С таким управляться нетрудно. Скорее всего, он и вправду просто хочет навестить в столице императора-племянника, да заодно поискать подходящую девицу для восемнадцатой наложницы.

Тем не менее Хэ Сы всё же распорядился приставить людей к столичной резиденции князя Юня.

У самого князя Юня, может, и нет дурных замыслов, но это не значит, что другие князья не попытаются на него повлиять. Такой мягкотелый человек легко поддается уговорам. Хэ Сы верил в его доброту, но не доверял его уму.

Через четверть часа Янь Чунь отстоял своё наказание и вернулся, чтобы прилежно растирать тушь.

Когда Хэ Сы накладывал резолюции алой кистью, он никого рядом не держал. Лишь в свободное время, когда выводил несколько строк для души, позволял иногда помочь с тушью или водой.

Растирая тушь, Янь Чунь вдруг промолвил:

— Почерк вашего превосходительства подобен его владельцу.

Мягкий кончик кисти провёл по бумаге последний штрих. Хэ Сы, подоткнув рукав, обмакнул кисть в тушь и рассеянно бросил:

— А ты, я смотрю, сладких слов не жалеешь.

Янь Чунь, не поднимая головы, продолжал медленно растирать тушь:

— Ваше превосходительство совсем не похоже на тех евнухов, о которых я прежде слышал. Когда я впервые вас увидел, то подумал, что вы знатный князь, исполненный изящества.

Хэ Сы на мгновение задержал кисть, слегка приподняв бровь.

Янь Чунь тихо продолжал:

— Такой человек, как ваше превосходительство, подобен сияющему солнцу в ясном небе...

У Хэ Сы слегка зашевелились волосы на затылке. Самолюбие у него, конечно, имелось, но проявлял он его лишь наедине с собой, изредка любуясь собой в зеркале. А вот когда такие речи льются из чужих уст — как-то неловко...

Пришлось прервать Янь Чуня:

— Чунь-эр, на самом деле я не так уж хорош...

Люблю язвить, тщеславен, ленив и вспыльчив. И самое главное — не слишком-то прямолинеен...

Разве твой начальник, прямолинейный как клинок Чжао Цзинчжун, не говорил тебе: «Береги жизнь, держись подальше от наместника»?

Янь Чунь внезапно умолк, затем опустился на колени, уткнувшись лбом в пол:

— Подчинённый превысил полномочия. Прошу наказания.

Хэ Сы подумал и сказал:

— Превысил, это да. Но наказывать не стану. Ступай, перепиши «Алмазную сутру» десять раз.

Перепишешь сутру — поймёшь, что красота брэнна, а я всего лишь любящий поязвить неудачник.

Янь Чунь помолчал, затем произнёс:

— Есть.

Писать дальше Хэ Сы не смог. Махнул рукой, отпуская Янь Чуня. Сменяющий его Ли Баого должен был уже ждать за дверью.

Оставшись один, он задумался, потирая переносицу.

Завтра князь Юнь въезжает в город. Всё необходимое подготовлено. Самое важное — его аудиенция у юного императора и вдовствующей императрицы. Хэ Сы решил явиться лично,

чтобы поддержать императора.

Через пару дней начнут прибывать остальные, самые важные князья. У Хэ Сы уже несколько дней дёргается левый глаз. Чувствует он недоброе: князь Нин из Ючжоу и цзиньлинский князь Цзин могут преподнести юному императору большой «сюрприз».

Поэтому, отбросив стыд, он попросил того самого из Астрономического приказа погадать. Тот даже за ворота не вышел, просто передал через слугу чистый лист бумаги, на котором было начертано: «Великое зло».

Неизвестно, кому предназначалось это великое зло — императору или ему самому. А может, и тому, и другому.

От этого Хэ Сы стало не по себе. Он поволновался и понял, что это не просто нервы — сердце в самом деле колотится, как бешеное!

Он, стиснув зубы, приподнял край стола и вытащил истрёпанную книгу!

Как и ожидалось, на новой странице книги медленно проступила строка: «Ныне, в болезни, дух мой смятён, вижу во сне лишь посторонних, а тебя — нет. Коли уж во сне не являешься, так позови же скорее!»

Хэ Сы: «...»

<http://bllate.org/book/16284/1467150>